Государство и нация

Родина. Государство. Нация. Свобода.

Государство и нация

Родина · Государство · Нация · Свобода.

Содержание

Предисловие — постановка главного вопроса: где заканчивается культурная принадлежность и начинается политическое требование.

Глава 1. Что такое нация? — разбор основных значений слова «нация», различие культуры, гражданства и политической идентичности.

Глава 2. Родина, народ, государство и власть — разделение понятий, которые политическая речь часто соединяет в одно целое.

Глава 3. Как государство присваивает нацию — школа, карта, символы, ритуалы, армия и язык «национальных интересов» как механизмы политического отождествления.

Глава 4. Когда государство становится нацией — политический долг, война, образ врага и интернационалистский ответ на национальную мобилизацию.

Глава 5. А нужна ли человеку национальность вообще? — национальность как добровольная идентичность, самоопределение, интернационализм и возможная альтернатива национальному государству.

Короткие статьи и заметки — практические ответы о патриотизме, национальности и безвластной организации общества.

Вопросы и ответы — возражения, которые естественно возникают из логики книги, и краткие ответы на них.

Личное мнение автора — отдельное изложение собственной политической позиции после аналитической части.

Общее заключение — сведение аргумента книги к принципу приоритета человека над политической категорией.

Как устроена книга

Основные пять глав образуют единый аргумент: от определения нации — к разбору политического языка, затем к механизмам государственного присвоения идентичности, последствиям этого процесса и, наконец, к вопросу о возможной альтернативе. Последующие заметки и ответы не вводят новую теорию, а проверяют основные выводы на практических возражениях.

Предисловие

Думаю, вы замечали, что государство часто говорит с человеком не от собственного имени.

Почему оно редко говорит: «это решение правительства», «этого требует государственный аппарат», «так решила конкретная власть»?

Гораздо чаще появляются слова:

Родина.
Народ.
Нация.
Наши.
Свои.

И в какой-то момент незаметно совершенно разные понятия начинают сливаться в одно.

К примеру:

Ты русский — значит Россия твоя Родина.
Россия — это Российская Федерация.
Российская Федерация представлена действующей властью.
Следовательно, интересы власти становятся интересами России, а интересы России — твоими интересами.

Но почему?

Почему любовь человека к месту, где он родился, к языку, на котором он говорит, к людям, среди которых вырос, должна

автоматически превращаться в верность государственному аппарату?

Я могу любить русскую культуру и не любить российское государство.

Я могу считать Россию своей Родиной и выступать против решений её правительства.

Я могу чувствовать связь с людьми, живущими рядом со мной, и при этом не считать, что государство имеет право говорить от их имени.

Родина — это не администрация. Народ — это не правительство. Нация — это не государственный аппарат. Государство — это не человек.

Стоит отметить, что этот труд не направлен против народов, языков или культур. Я не хочу доказывать человеку, что он не имеет права считать себя русским, украинцем, татарином, немцем, французом или кем-либо ещё.

Наоборот. Если человеку важна эта идентичность, она принадлежит только ему.

Проблема начинается только тогда, когда государство получает возможность определять содержание этой идентичности и говорить:

«Раз ты принадлежишь к данной нации, ты должен поступать именно так».

И тогда из культурной принадлежности возникает политическая обязанность.

Из слова «русский» — требование поддерживать государство.

Из слова «Родина» — требование поддерживать какие-либо действия.

Из слова «народ» — право власти говорить от имени миллионов людей, которые никогда не давали ей такого личного разрешения.

Меня интересует именно этот переход.

Как государство присваивает себе понятие нации?

Почему государственные интересы начинают выдавать за интересы народа?

Почему несогласие с властью так легко объявить нелюбовью к собственной стране?

Почему критика государственного аппарата иногда воспринимается почти как предательство культуры, истории и людей?

И наконец, я хочу поставить ещё более неудобный вопрос.

Насколько вообще человеку необходима национальность как постоянная политическая категория?

Не культура. Не язык. Не семейная история. Не память.

Именно категория, разделяющая людей на русских, украинцев, немцев, французов и десятки или сотни других групп.

Я не утверждаю заранее, что нашёл окончательный ответ.

Это моя гипотеза, которую я хочу проверить на протяжении этой книги.

Возможно, национальность имеет важное историческое, культурное, научное и статистическое значение.

Но обязана ли она определять политическую жизнь человека?

Должен ли человек воспринимать миллионы незнакомых людей как «своих» только потому, что государство отнесло их к одной нации?

И должен ли он воспринимать других людей как «чужих» только потому, что они родились по другую сторону границы?

Я хочу разобрать эти вопросы без попытки заменить одну обязательную идентичность другой.

Цель этой книги не в том, чтобы сказать читателю, кем он должен себя считать.

Цель значительно проще.

Задать вопрос:

почему государство считает, что имеет право говорить от имени моей Родины, моей культуры, моего народа и моей нации?

Глава 1. Что такое нация?

В этой главе я сначала уточняю само понятие нации: чем культурная принадлежность отличается от гражданской и политической, где проходят границы идентичности и почему из происхождения не следует автоматическая политическая обязанность.

Прежде чем говорить о том, как государство использует понятие нации, нужно сначала понять, что вообще означает слово «нация».

И здесь возникает первая проблема.

У этого слова нет одного простого определения, которое одинаково использовали бы все люди.

Когда один человек говорит «нация», он может иметь в виду народ с общей культурой и историей. Другой — граждан одного государства. Третий — людей одного происхождения. Четвёртый — политическое сообщество, которое считает себя единым целым.

Из-за этого разговор о нации очень быстро превращается в путаницу.

Например, можно ли считать нацией всех граждан Франции независимо от происхождения?

А человека, который родился во Франции, но считает себя частью другой культуры?

А русскоязычного человека, который никогда не жил в России?

А человека, у которого родители принадлежат к разным народам?

А того, кто вообще не хочет определять себя через национальность?

Ответ зависит от того, какое именно значение слова «нация» мы используем.

Нация как происхождение и культура

Одно из распространённых представлений связывает нацию с общим происхождением, историей, языком, обычаями и культурой.

Человек в таком понимании принадлежит к определённой группе не потому, что он подписал какой-либо договор или получил документ, а потому, что вырос внутри определённой культурной среды или происходит из неё.

Такое понимание часто близко к понятию этнической принадлежности.

Люди могут говорить на одном языке, иметь общие традиции, помнить одни исторические события, читать одну литературу и считать себя частью одного народа, даже если живут в разных государствах.

Само по себе в этом нет ничего странного.

Культура действительно существует.

Языки существуют.

Общие исторические воспоминания существуют.

Семейные традиции существуют.

Человек вполне может чувствовать глубокую связь со всем этим.

Проблема появляется тогда, когда из культурной принадлежности начинают выводить политические обязанности.

Если я вырос внутри русской культуры, из этого ещё не следует, что я обязан поддерживать российское государство.

Если человек считает себя украинцем, это само по себе не означает, что он обязан соглашаться с каждым решением украинской власти.

Если человек немец, француз, серб, китаец или представитель любого другого народа, его культура не делает его собственностью государственного аппарата.

Культурная принадлежность и политическая лояльность — это разные вещи.

Нация как гражданское сообщество

Есть другое понимание.

В нём нацией называют не людей общего происхождения, а граждан одного государства.

Тогда французская нация — это граждане Франции.

Американская нация — граждане США.

И происхождение отдельного человека при этом может иметь намного меньшее значение.

Такое понимание иногда называют гражданской нацией.

Оно выглядит более открытым.

Теоретически человеку не обязательно иметь определённую кровь, происхождение или религию. Достаточно принадлежать к общему политическому сообществу.

Но здесь появляется другой вопрос.

Если нация определяется через государство, не происходит ли незаметное слияние двух понятий?

Гражданин государства начинает восприниматься как часть нации, государство объявляется представителем этой нации, а затем решения государства начинают представляться решениями или интересами всей нации.

Возникает цепочка:

гражданин → нация → государство → власть.

Именно эту цепочку я хочу дальше рассматривать особенно внимательно.

Потому что государство и общество всё равно не являются одним организмом.

Миллионы граждан могут иметь разные взгляды, интересы, языки, культуры и представления о будущем.

Правительство при этом представляет конкретные институты власти и принимает конкретные политические решения.

Когда всё население страны начинают описывать как единое существо с одной волей и одними интересами, возникает опасное упрощение.

То есть фразы вроде:

«Франция решила».

«Россия хочет».

«Америка считает».

«Китай ответил».

удобны в обычной речи.

Но страны не являются людьми.

У государства нет единого человеческого сознания.

Решения принимают конкретные органы, политики, чиновники, парламенты, правительства, военные структуры или другие институты.

А внутри любого общества могут существовать миллионы людей, которые думают совершенно иначе.

Нация и государство — не одно и то же

Особенно важно различать нацию и государство.

Государство — это политическая организация.

У него есть территория, органы управления, законодательство, административный аппарат, механизмы принуждения и другие институты.

Нация — гораздо менее материальное понятие.

Её нельзя показать пальцем так же, как здание парламента, суд или полицейский участок.

Она существует прежде всего через представления людей о принадлежности к некоторому сообществу.

Поэтому одна нация может оказаться разделена между несколькими государствами.

И наоборот — в одном государстве могут жить представители множества народов, культур и национальных групп.

Уже одного этого достаточно, чтобы увидеть:

нация и государство не являются естественно неразделимыми понятиями.

Однако идея национального государства пытается связать их.

Согласно этой логике, определённая нация должна иметь «своё» государство, а государство должно выражать интересы этой нации.

На бумаге это может казаться логичным.

Но кто определяет эти интересы?

Кто получает право говорить:

«Вот чего хочет народ»?

Можно ли вообще сказать, чего одновременно хотят миллионы людей?

Если половина общества поддерживает решение, а другая половина выступает против него, где находится единая «воля нации»?

В этот момент понятие нации начинает приобретать политическую силу именно потому, что говорить от имени огромной абстрактной группы намного проще, чем говорить от имени конкретных людей.

Народ, нация и население

Есть ещё одна путаница.

Слова «народ», «нация» и «население» часто используются почти как синонимы, хотя между ними можно провести различие.

Население — это наиболее нейтральное понятие.

Это просто люди, которые живут на определённой территории.

«Народ» уже имеет более сильное культурное и политическое значение.

А «нация» может означать как культурное, так и политическое сообщество.

Но в политической речи эти различия часто исчезают.

Правительство говорит от имени государства.

Государство объявляет себя выразителем интересов народа.

Народ объявляется единой нацией.

После этого критика государственного решения может быть представлена уже не как спор с чиновниками или политиками, а как конфликт с самим народом.

Мне кажется, именно здесь необходимо быть особенно осторожным.

Абстрактное слово не должно стирать существование конкретных людей.

А что вообще объединяет людей?

В попытках найти признаки, которыми обычно объясняют существование нации, мы получаем примерно следующий набор:

- общий язык;
- историческая память;
- культура;
- традиции;
- территория;
- происхождение;
- религия;
- государство;
- общие политические институты;
- ощущение принадлежности.

Но практически для каждого пункта существуют исключения.

У членов одной нации могут быть разные родные языки.

Они могут исповедовать разные религии.

Они могут жить на огромном расстоянии друг от друга.

Они могут совершенно по-разному относиться к собственной истории.

Они могут находиться в разных государствах.

И наоборот — люди с разным происхождением и культурой могут считать себя частью одной политической нации.

Получается интересная вещь.

Нация существует не только благодаря объективным признакам.

Огромное значение имеет то, кем сами люди себя считают.

Именно поэтому национальная идентичность может быть очень сильной, даже если невозможно составить строгий список признаков, который отделит одну нацию от другой.

Где проходят границы?

Здесь возникает ещё более сложный вопрос.

Кто определяет границы между нациями?

История не состоит из аккуратно разделённых групп людей.

Народы веками переселялись, смешивались, создавали семьи, меняли языки, религии и государства.

Границы переносились.

Империи появлялись и исчезали.

Одни культурные группы постепенно сливались с другими, а новые идентичности появлялись там, где раньше их вообще не существовало.

Поэтому попытка представить каждую нацию как полностью отдельную и неизменную общность вызывает у меня сомнения.

Особенно когда начинают говорить о какой-то абсолютно чистой национальной культуре или происхождении.

Человеческая история намного сложнее.

Культура постоянно заимствует.

Языки изменяются.

Люди путешествуют.

Общества смешиваются.

Возможно, именно поэтому попытка навсегда разделить человечество на чёткие национальные коробки плохо соответствует тому, как люди реально жили и продолжают жить.

Нация как личная идентичность

Для меня здесь важно провести ещё одну границу.

Человек может сам считать себя частью определённой нации.

Он может любить её язык.

Чувствовать связь с её историей.

Сохранять традиции своей семьи.

И я не вижу причины отнимать у него это право.

Но совершенно другая ситуация возникает, когда идентичность определяют за человека.

Когда ему говорят:

«Ты родился здесь, следовательно, ты обязан считать себя этим».

«Твои родители принадлежат к этой группе, следовательно, принадлежишь и ты».

«Настоящий представитель нашего народа обязан думать вот так».

Тогда национальная принадлежность перестаёт быть способом описать себя и становится требованием.

Мне гораздо ближе представление, при котором человек имеет право сам решать, насколько национальная идентичность вообще важна для его жизни.

Можно считать себя русским.

Можно одновременно чувствовать принадлежность к нескольким культурам.

Можно ставить региональную идентичность выше национальной.

Можно прежде всего считать себя человеком.

А можно вообще не придавать национальности большого значения.

Почему одна из этих возможностей должна объявляться более правильной, чем остальные?

Моя рабочая гипотеза

На этом этапе я не хочу утверждать, что нация является чем-то полностью выдуманным или бесполезным.

Такой вывод был бы слишком простым.

Культурные сообщества существуют.

Историческая память существует.

Люди действительно ощущают принадлежность к определённым группам, и это чувство может быть для них очень важным.

Но я предлагаю разделить две вещи.

Первая — **добровольная культурная идентичность**.

Вторая — **политическая нация, от имени которой кто-то получает право требовать от человека определённого поведения**.

И именно вторая часть вызывает у меня намного больше вопросов.

Когда человек говорит:

«Я русский, потому что мне близки русский язык и культура»,

это его личная идентичность.

Когда государство говорит:

«Ты русский, поэтому обязан поддерживать наши действия»,

происходит уже не описание личности.

Происходит попытка получить политическую власть над ней.

Поэтому вопрос этой книги заключается не только в том, существует ли нация.

Более важный вопрос звучит иначе:

кто получает право определять, что означает принадлежать к нации, и почему из этой принадлежности вообще должны возникать обязанности перед государством?

В следующей главе я хочу разобрать четыре понятия отдельно:

Родина. Народ. Государство. Власть.

И посмотреть, почему в политической речи они так часто оказываются смешаны между собой.

Глава 2. Родина, народ, государство и власть

Здесь я разделяю четыре слова, которые в политической речи постоянно подменяют друг друга, и показываю, как решение конкретной власти может постепенно превратиться в требование от имени «Родины» или «народа».

В предыдущей главе я попытался разобраться с тем, что мы называем нацией.

Теперь я хочу разделить ещё четыре понятия, которые в политической речи очень часто оказываются почти неразличимыми:

Родина.
Народ.
Государство.
Власть.

На первый взгляд кажется, что разница между ними очевидна.

Но стоит начать слушать политические речи, читать военные плакаты, государственные лозунги или даже обычные новости — и границы быстро начинают исчезать.

Говорят:

«Родина требует».

«Народ решил».

«Россия ответила».

«Италия победила».

«Британия нуждается в своих сыновьях».

Но кто именно совершает действие?

Земля?

Люди?

Культура?

Парламент?

Правительство?

Монарх?

Армия?

Несколько министров?

Когда мы называем всё это одним словом — «страна», — огромное количество совершенно разных субъектов превращается в одно воображаемое лицо.

И это лицо якобы имеет единую волю.

Родина

Начну с самого эмоционального понятия.

Родина для человека может означать очень многое:

- Место рождения.

- Дом.
- Город.
- Деревню.
- Язык.
- Природу.
- Людей.
- Детские воспоминания.
- Культуру.
- Историю семьи.

Это чувство может существовать вообще независимо от государства.

Государства появляются и исчезают.

Меняются границы.

Меняются правительства.

Меняются названия стран.

Но человек может продолжать любить землю, на которой вырос.

Поэтому мне кажется странным автоматически отождествлять Родину с государственным аппаратом.

Если завтра меняется правительство, разве у человека появляется новая Родина?

Если распадается государство, исчезает ли вместе с ним место, которое человек считал своим домом?

Очевидно, нет.

Значит, Родина и государство уже не могут быть одним и тем же.

Народ

С народом сложнее.

Под этим словом можно понимать людей, объединённых культурой, языком, исторической памятью или просто жизнью на одной территории.

Но народ никогда не является единым человеком.

У него нет одного мозга.

Нет одного мнения.

Нет одной политической воли.

Сто миллионов человек физически не могут одновременно думать одинаково.

К примеру, один поддерживает власть.

Другой ненавидит её.

Третий равнодушен.

Четвёртый вообще не интересуется политикой.

Пятый хочет изменить существующую систему полностью.

Поэтому фраза:

«народ хочет»

всегда должна вызывать следующий вопрос:

какая часть народа?

Государство

Государство — уже не чувство и не культурная общность.

Это система множества институтов.

В неё входит:

- Администрация.
- Законы.
- Суды.
- Армия.
- Полиция.
- Налоговая система.
- Органы управления.
- Бюрократия.

Государство может утверждать, что представляет людей.

Но оно не является самими людьми.

Это различие кажется очевидным, однако именно оно особенно легко стирается в политической речи.

Власть

И наконец — власть.

Даже государство и власть не являются полностью одинаковыми понятиями.

Государственный аппарат может существовать десятилетиями или веками, в то время как правительства, министры, президенты, монархи и политические партии меняются.

Конкретная власть — это люди и институты, которые в данный момент принимают решения.

И поэтому возникает очень важная последовательность:

власть принимает решение;
государство выполняет его;
решение называют интересом страны;
страну отождествляют с народом;
а народ — с Родиной.

Через несколько шагов решение конкретных людей превращается в:

«Родина требует».

Вот здесь и находится механизм, который интересует меня больше всего.

Когда четыре понятия становятся одним

Представим максимально простой пример.

Правительство решает начать войну.

Оно может сказать человеку:

«Правительство приняло решение, и теперь государственному аппарату нужны солдаты».

Формулировка довольно холодная.

Человек сразу видит субъект.

Есть правительство.

Есть его решение.

Есть государственный интерес.

Теперь заменим слова.

«Родина нуждается в тебе».

Смысл ощущается совершенно иначе.

Теперь человек думает уже не о кабинете министров.

Он думает о доме.

О семье.

О своём городе.

О языке.

О людях.

О могилах предков.

О детстве.

Именно поэтому государству необязательно говорить человеку:

«Подчинись мне».

Намного сильнее звучит:

«Защити Родину».

Потому что первое требует любви к аппарату.

А второе использует любовь, которая у человека уже была.

Это ещё не означает, что каждый призыв защищать Родину является обманом.

Иногда существует настоящее нападение.

Настоящая угроза.

Настоящая опасность для домов, семей и людей.

Я не собираюсь утверждать, что любая война является исключительно результатом пропаганды.

Тут вопрос в другом:

кто получает право определить, когда интерес государственного аппарата действительно является интересом людей, а когда государство просто называет собственную политику «защитой Родины»?

История даёт множество примеров того, насколько сильной может быть такая подмена.

Российская империя: вера, царь и народ

В Российской империи XIX века появилась формула, позднее известная как теория официальной народности:

«Православие, самодержавие, народность».

В 1833 году министр народного просвещения Сергей Уваров сформулировал необходимость образования в совместном духе православия, самодержавия и народности. Эта доктрина стала важной частью государственной идеологии эпохи Николая I.

Для темы этой книги интересна сама конструкция.

Религия.

Монархическая власть.

Народ.

Все три элемента связываются.

Самодержавие оказывается уже не просто способом устройства государства.

Оно начинает представляться частью исторического и народного порядка.

Но возникает вопрос.

Если русский человек любил язык, культуру, землю и людей России, обязан ли он был поэтому любить самодержавие?

Очевидно, история показывает обратное.

Русские революционеры, республиканцы, социалисты, анархисты и либералы могли считать Россию своей Родиной и одновременно выступать против императорской власти.

Получается:

Россия не была равна царю.
Русский народ не был равен императорскому правительству.
Любовь к Родине не означала обязательную любовь к самодержавию.

Есть и ещё одна проблема.

Российская империя вообще не состояла из одного народа.

В ней жили русские, украинцы, поляки, финны, татары, евреи, народы Кавказа, Средней Азии и множество других групп.

При Александре III политика государства всё сильнее двигалась к централизации и русификации; российская государственная идеология стремилась укреплять единство через русский язык, православие и самодержавие.

Но тогда появляется неудобный вопрос:

если государство говорит от имени народа, какого именно народа?

Британская империя: «Ваш король и страна нуждаются в вас»

Особенно наглядно этот механизм проявился во время Первой мировой войны.

В 1914 году британская агитация активно связывала военную службу с понятиями короля, страны и империи.

Одним из наиболее известных призывов стала формула:

“Your King and Country Need You” —

«Ваш король и страна нуждаются в вас».

Позднее плакаты с этим лозунгом массово выпускал созданный в начале войны **Parliamentary Recruiting Committee — Парламентский комитет по набору добровольцев**. Один из таких плакатов прямо призывал:

“Your King and Country Need You. Enlist Now.”

То есть:

«Ваш король и страна нуждаются в вас. Запишитесь сейчас».

При этом ещё в августе 1914 года в обращении, связанном с призывом лорда Китченера, говорилось о необходимости пополнения армии в условиях **«серьёзной национальной чрезвычайной ситуации»** и содержался призыв ко всем, кому дорога **«безопасность Империи»**.

Посмотрим на эту конструкцию внимательнее.

Король.
Страна.
Империя.
Армия.
Военная обязанность.

В нескольких коротких формулах они оказываются соединены в одно моральное требование.

Но что означает:

«страна нуждается в тебе»?

Кто именно нуждается?

Семья солдата?

Его город?

Жители Британии?

Парламент?

Правительство?

Военное командование?

Империя?

Все эти субъекты могут иметь разные интересы.

Особенно интересно это становится, если вспомнить размеры самой Британской империи.

Она включала территории и народы далеко за пределами Великобритании, причём их политическое положение внутри имперской системы было далеко не одинаковым.

И тогда возникает ещё более серьёзный вопрос:

когда политическая агитация говорила о защите «нашей Империи», насколько одинаково слово «наша» относилось ко всем её жителям?

Люди могли участвовать в одной войне, служить одному имперскому центру и одновременно обладать совершенно разным политическим статусом.

Именно здесь становится видно, насколько удобным бывает слово **«мы»**.

Оно способно объединить миллионы совершенно разных людей под формулой одного общего интереса — даже тогда, когда их реальные интересы, права и положение заметно различаются.

Первая мировая война: несколько Родин одновременно

Первая мировая война особенно интересна ещё по одной причине.

С разных сторон фронта солдатам говорили примерно одно и то же.

Защити страну.

Защити народ.

Исполни долг.

Не позорь Родину.

Представим русского и немецкого солдата.

Оба могли быть обычными рабочими или крестьянами.

Оба могли иметь семьи.

Оба могли не принимать решений о европейской дипломатии.

Оба могли никогда раньше не видеть друг друга.

Но государственные системы говорили каждому:

другой человек — враг твоей Родины.

И тогда возникает вопрос:

если две власти одновременно утверждают, что именно их народ защищает справедливое дело, можно ли просто принять обе формулы без анализа?

Конфликт государств начинает превращаться в конфликт народов.

Решения правительств — в волю наций.

Человек по другую сторону фронта перестаёт быть человеком со своей жизнью и становится:

«немцем».
«русским».
«французом».
«англичанином».

Национальная категория начинает заменять личность.

Муссолини: Италия становится империей

В фашистской Италии эта конструкция приобрела ещё более открытую форму.

9 мая 1936 года, после завоевания Эфиопии, Бенито Муссолини объявил о создании Итальянской империи.

В своей речи он говорил об Италии, получившей «свою империю», связывал её с традицией Древнего Рима и утверждал, что итальянский народ создал империю своей кровью и будет защищать её оружием.

Здесь почти невозможно не заметить слияние понятий.

Фашистское государство ведёт колониальную войну.

Но результат представляется не просто победой конкретного правительства.

Он становится:

победой Италии;
возвращением Рима;
исторической судьбой народа;
доказательством национального величия.

И снова хочется задать простой вопрос:

кто решил, что захват Эфиопии являлся желанием самой Италии?

Италия — это земля?

Культура?

Народ?

Все итальянцы одновременно?

Или фашистское правительство, обладавшее властью принимать такие решения?

Муссолини говорил от имени Италии.

Но Италия не могла открыть рот и самостоятельно сказать:

«Я хочу империю».

Это сделали конкретные люди.

Нацистская Германия: когда государство определяет, кто является народом

Нацистская Германия показывает наиболее страшный предел этого механизма.

Нацисты не просто заявляли, что представляют немецкий народ.

Они попытались определить, **кто вообще имеет право считаться частью этого народа**.

Идеология режима строилась вокруг расовой иерархии, в которой так называемые «арийские» немцы помещались наверх, а другие группы объявлялись биологически или расово низшими.

Нацистская концепция *Volksgemeinschaft* — «народного сообщества» — включала только тех, кого режим признавал соответствующими его расовым критериям. Евреи, рома, люди с инвалидностью и другие группы подвергались исключению, преследованию и в итоге массовому убийству.

Здесь необходимо сделать важное уточнение.

Не существовало никакой научно установленной «чистой арийской расы».

Это была псевдонаучная расовая конструкция.

И даже сама реальность населения Германии совершенно не соответствовала фантазии о каком-то биологически чистом народе.

Но государству для применения этой идеи было необязательно, чтобы она была научно истинной.

Достаточно было получить возможность сказать:

«Вот настоящий народ».

А после этого:

«Вот те, кто к нему не относится».

Получается страшная последовательность:

мы — народ;
государство выражает волю народа;
государство определяет настоящий народ;
некоторые люди объявляются чужими;
против них становится допустимо применять насилие.

Это уже крайняя точка.

Когда государство получает право определять содержание нации, вопрос идентичности перестаёт быть только культурным.

Он может стать вопросом права.

Свободы.

Гражданства.

Жизни.

От Спарты до современных государств

Было бы ошибкой назвать древнюю Спарту фашистским или нацистским государством.

Таких идеологий в античности не существовало.

Но сам принцип разделения людей на полноценное политическое «мы» и тех, кто находится ниже него, намного древнее национализма XX века.

Спартанское общество резко различало полноправных спартиатов и зависимое население, прежде всего илотов.

Мне этот пример интересен не как «древний нацизм».

Он показывает другое:

люди очень давно создают политические категории, определяющие, кто считается полноправной частью сообщества, а кто — нет.

Национализм позже получил собственные современные формы, но сама способность власти проводить границу между «нами» и «ими» появилась намного раньше.

Политические иллюзии

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали о том, что буржуазное общество заменило эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, эксплуатацией открытой и непосредственной.

Я не хочу приписывать Марксу и Энгельсу мою собственную мысль.

Они говорили здесь прежде всего об экономических отношениях.

Но сама формулировка заставляет меня поставить похожий вопрос уже применительно к государству:

может ли интерес государственного аппарата быть прикрыт политической иллюзией общего национального интереса?

Можно сказать:

«Государству нужен солдат».

А можно:

«Родина зовёт».

Можно сказать:

«Правительство хочет расширить территорию».

А можно:

«Народ возвращает своё историческое величие».

Можно сказать:

«Власть считает эту политику необходимой».

А можно:

«Так хочет страна».

Второй вариант почти всегда эмоционально сильнее.

Потому что государство исчезает из предложения.

На его место приходит Родина.

Простая проверка

Когда я слышу:

«Родина требует»,
мне хочется попробовать заменить слово «Родина» конкретным субъектом.

Кто именно требует?

Правительство требует?

Парламент требует?

Президент требует?

Монарх требует?

Военное командование требует?

Большинство населения требует?

Все жители страны требуют?

После такой замены предложение может начать звучать совсем иначе.

Например:

«Родина требует от тебя жертвы».

Звучит почти священно.

Теперь:

«Действующее правительство требует от тебя жертвы».

Это уже политическое утверждение.

И его можно обсуждать.

Можно спросить:

зачем?

кто принял решение?

кому это выгодно?

согласны ли с этим остальные люди?

есть ли альтернатива?

И именно поэтому для власти так удобно говорить не только от собственного имени.

Это не особенность одной идеологии

Было бы очень удобно закончить эту главу словами:

«Так поступают фашисты».

Но это было бы неправдой.

Российская монархия использовала единство веры, самодержавия и народности.

Британская империя призывала защищать короля, страну и империю.

Фашистская Италия связывала государственную экспансию с величием Италии и наследием Рима.

Нацистская Германия довела объединение государства, народа и расовой идеи до чудовищного предела.

Разные эпохи.

Разные государства.

Разные идеологии.

Разная степень насилия.

Но механизм может быть похожим:

интерес власти объявляется интересом государства;
интерес государства — интересом народа;
интерес народа — интересом нации;
а затем всё это называется любовью к Родине.

Это не означает, что между всеми перечисленными режимами можно поставить знак равенства.

Нельзя.

Исторические обстоятельства и масштабы преступлений принципиально различались.

Общее здесь только одно:

политическая способность говорить от имени гораздо большего понятия, чем сама власть.

Родина не обязана иметь голос правительства

Я могу любить место, где вырос.

Я могу любить язык.

Музыку.

Литературу.

Историю.

Людей.

Я могу считать всё это своей Родиной.

Но из этого ещё не следует, что конкретное государство автоматически получает право распоряжаться моей любовью.

Родина не обязана иметь голос правительства.

Народ не обязан иметь одну политическую волю.

Государство не является каждым человеком, который живёт внутри его границ.

А власть не становится Родиной только потому, что говорит от её имени.

Поэтому всякий раз, когда человек слышит:

«Родина требует», —

возможно, стоит задать один очень простой вопрос:

кто именно сейчас говорит?

Глава 3. Как государство присваивает нацию

Эта глава посвящена не открытому принуждению, а повседневным механизмам: школе, карте, документам, символам, праздникам, армии и языку национального интереса. Меня интересует, как политическая конструкция начинает казаться естественной.

В предыдущей главе я пытался показать, как слова «Родина», «народ», «государство» и «власть» постепенно могут сливаться между собой.

Теперь я хочу задать другой вопрос:

как именно это происходит?

Ведь это не за один день.

Государству необязательно каждое утро говорить человеку:

«Ты обязан любить меня».

Это звучало бы слишком прямолинейно.

Намного эффективнее сделать так, чтобы человек постепенно привык к другой конструкции:

флаг — это страна;

армия — это Родина;

карта государства — это естественные границы народа;

официальная история — это история нации;

интерес правительства — это национальный интерес;

государственный праздник — это праздник всего народа.

В какой-то момент связь становится настолько привычной, что её перестают замечать.

Государство уже не выглядит как отдельная политическая структура.

Оно начинает казаться естественным продолжением народа.

И именно это я называю присвоением нации.

Не обязательно запретить человеку его культуру.

Не обязательно уничтожить язык.

Не обязательно прямо заставлять его любить власть.

Иногда достаточно убедить человека, что **государство является естественным хозяином, защитником и представителем всего того, что он считает своим**.

Школа: кто рассказывает историю?

Ведь для многих людей первое серьёзное знакомство с государством происходит не в правительственном здании.

Оно начинается намного раньше.

В школе.

Ребёнок видит карту. Флаг. Герб. Слышит гимн. Читает учебники истории. Узнаёт о войнах. О победах. О поражениях. О национальных героях. О людях, которых предлагается считать великими.

Само по себе образование, конечно, не является чем-то плохим. Историю необходимо изучать. Язык необходимо изучать. Человек имеет право знать культуру места, где он живёт.

Но есть важный вопрос: кто составляет рассказ?

История огромна. Невозможно поместить в школьный учебник абсолютно всё!

Значит, кто-то неизбежно выбирает:

- Что будет подробно разобрано?
- Что займёт одну страницу?
- Что будет названо подвигом?
- Что — трагедией?
- Что — освобождением?
- Что — восстанием?
- Что — мятежом?
- Кого назовут героем?
- Кого — преступником?
- А о ком вообще почти ничего не скажут?

Один и тот же исторический человек может оказаться национальным героем для одного государства и врагом для другого.

Одна и та же территория может называться «освобождённой» в одном учебнике и «оккупированной» в другом.

Одно восстание можно описать как преступление против государства.

А можно — как борьбу людей против власти. Факты от этого не должны меняться.

Но меняется рамка.

И именно рамка постепенно формирует представление о том, кто такие **«мы»**.

Ребёнку редко говорят напрямую:

«Государственный аппарат и твоя Родина — одно и то же». Ему просто годами рассказывают историю так, будто государство является главным действующим лицом всей жизни народа.

- Государство победило.
- Государство построило.
- Государство освободило.
- Государство потеряло территории.
- Государство вернуло территории.

Но за каждым этим словом были конкретные люди.

Рабочие, Крестьяне, Солдаты, Учёные, Женщины, Дети, Оппозиционеры, Политики, а также Простые жители.

Иногда возникает ощущение, будто народ появляется в истории только тогда, когда действует через государство.

И вот здесь я вижу проблему.

История народа значительно больше истории его правительств.

Карта: когда линия становится Родиной

Есть ещё один невероятно сильный символ – карта.

На карте всё кажется простым:

Вот граница.

По одну сторону — «мы».

По другую — «они».

Линия выглядит настолько естественной, будто она существовала всегда.

Но государственные границы постоянно менялись. Империи распадались. Появлялись новые страны. Территории переходили от одного государства к другому. Одни границы существовали несколько веков. Другие — несколько десятилетий.

Но человек быстро привыкает воспринимать современную карту как почти естественный порядок мира.

И тогда появляется выражение:

«наша земля».

Но что именно делает землю «нашей»? То, что на ней живут близкие нам люди? Историческая культура? Личная связь? Или линия, проведённая государством?

Если завтра политическая граница изменится, сама земля ведь никуда не исчезнет.

Горы не передвинутся.

Реки не изменят направление.

Дома останутся на месте.

Люди продолжат жить.

Меняется прежде всего политическая принадлежность территории.

Но государство способно сделать так, что изменение границы воспринимается почти как физическое повреждение самого народа.

И снова:

государственная территория начинает восприниматься как тело нации.

Бюрократия: как государство определяет, к кому ты принадлежишь

Человека государство видит не так, как его видят друзья или семья. Для системы человек — это просто набор категорий.

- Имя.
- Дата рождения.
- Место рождения.
- Гражданство.
- Адрес.
- Документы.
- Юридический статус.

Иногда в разные исторические периоды — этническая или национальная принадлежность.

В этом есть очевидная практическая необходимость. Большое общество действительно требует учёта. Я не собираюсь утверждать, что сам паспорт является инструментом угнетения только потому, что в нём записано гражданство.

Но интересен сам принцип.

Государство официально фиксирует:

ты принадлежишь к этому политическому пространству.

Административно это понятно. Но затем юридическая принадлежность может превращаться в моральную.

Ты гражданин. Следовательно, у тебя есть долг.

Ты гражданин. Следовательно, ты обязан быть лоялен.

Ты гражданин. Следовательно, государственные интересы должны быть твоими интересами.

Но разве между первым и последним утверждением действительно существует автоматическая связь?

Гражданство может говорить о юридических отношениях человека с государством.

Но оно ещё не определяет его мысли.

Его культуру.

Его совесть.

Его отношение к власти.

Его представление о Родине.

Документ способен определить юридический статус человека.

Но способен ли он определить, кем человек обязан себя чувствовать?

Символы: когда государство получает лицо

У каждого государства в мире есть символы.

Флаг.

Герб.

Гимн.

Иногда монарх.

Иногда революционный символ.

Иногда исторический персонаж.

Это необходимо хотя бы для того, чтобы политическое образование можно было узнавать. Но символы обладают интересным свойством. Они позволяют государству стать эмоциональным. Бюрократия сама по себе плохо вызывает чувства. Трудно испытывать глубокий патриотический восторг при виде налоговой декларации. Министерство финансов редко становится объектом любви.

Но флаг – это другое дело.

Под ним воевали. С ним связаны победы. Он висел в школе. Его показывали на праздниках. Под него звучал гимн.

И постепенно символ государства способен стать символом Родины.

И тогда критика символа начинает восприниматься уже не как критика политической структуры.

Она может восприниматься как нападение на сам народ.

Но кому принадлежит флаг? Правительству? Может государству? Или людям? Истории? А может вообще всем сразу?

Если завтра к власти приходит новое правительство, флаг может остаться прежним.

Получается, символ уже переживает конкретную власть.

А значит, власть получает очень удобную возможность выступать под символом, который эмоционально принадлежит гораздо большему количеству людей, чем сама власть.

Праздники и государственные ритуалы

Государство существует не только в законах. Оно существует в ритуалах. Парады. Инаугурации. Военные церемонии. Возложения цветов. Минуты молчания. Государственные похороны. Дни победы. Дни независимости. Дни основания государства. Присяги. Выступления руководителей в праздничные даты. Ритуал создаёт ощущение непрерывности.

Конкретный президент уйдёт.

Министр уйдёт.

Генерал уйдёт.

Но церемония останется.

Она связывает настоящее государство с предыдущими поколениями.

Иногда — с людьми, жившими сотни лет назад.

И снова это не обязательно является чем-то плохим.

Обществу нужна память.

Люди имеют право помнить погибших.

Имеют право праздновать освобождение.

Имеют право сохранять традиции.

Проблема начинается тогда, когда государство получает монополию на содержание этой памяти.

Когда именно оно решает:

кого мы обязаны помнить;

чем обязаны гордиться;

о чём обязаны скорбеть;

какую трактовку события считать правильной.

Тогда память народа постепенно превращается в государственный календарь.

Армия и образ защитника Родины

Армия — это один из наиболее ярких примеров того, как государственная структура связывается с Родиной.

Сравним две формулировки.

Военнослужащий вооружённых сил государства.

И:

защитник Отечества.

Формально они могут описывать одного человека.

Но эмоционально это совершенно разные конструкции.

Первая говорит об институте.

Вторая — о доме.

В слове «Отечество» уже содержится семья.

Предки. Земля. Память. Люди.

Именно поэтому государство получает чрезвычайно сильную возможность связывать военную службу с любовью к Родине.

Но, как я уже писал раньше, это не означает, что армия никогда действительно не защищает людей.

Если существует реальное нападение, вооружённая защита может одновременно быть защитой государства, территории, семей и людей.

Проблема в другом.

Эти понятия нельзя заранее считать тождественными.

Армия может защищать людей.

А может выполнять политическое решение правительства.

Иногда эти вещи совпадают.

Иногда — нет.

Поэтому выражение «защитник Родины» тоже необходимо рассматривать в конкретном контексте.

«Национальные интересы»

Это выражение используется настолько часто, что почти перестало вызывать вопросы.

«Национальные интересы требуют…»

«Это противоречит национальным интересам…»

«Мы защищаем национальные интересы…»

А что вообще такое национальные интересы?

Представим государство со ста миллионами жителей. Там есть: рабочий, предприниматель, учитель, министр, пенсионер, студент, военный, безработный, обычный житель маленькой деревни.

У них действительно всегда один интерес?

Предположим, государство решает вложить огромные средства в вооружение.

Для военного ведомства это может быть выгодно.

Для связанных предприятий — тоже.

Но человек, которому не хватает больницы в его городе, может считать иначе.

Государство заключает торговое соглашение.

Одни отрасли выигрывают.

Другие проигрывают.

Власть начинает конфликт с другим государством.

Одни группы могут получить политическую или экономическую выгоду.

Другие — потерять доходы, безопасность или жизнь.

И всё это может быть объединено одним выражением:

«национальный интерес».

Мне кажется, в таких случаях полезно снова использовать проверку из предыдущей главы.

Заменить абстрактное слово конкретными людьми.

Это интерес для кого именно? Правительства? Большинства жителей? Определённой отрасли? Армии? Может корпораций? Бюрократии? Политической партии? Или всех одновременно?

Если ответа нет, выражение «национальный интерес» иногда начинает напоминать политический контейнер, в который можно положить практически любое решение.

«Настоящий гражданин»

Ещё опаснее становится тогда, когда государство начинает определять не только национальные интересы, но и правильного представителя нации.

Появляется образ:

- **«настоящего патриота».**
- **«настоящего русского».**
- **«настоящего француза».**
- **«настоящего американца».**

На первый взгляд это всего лишь слова. Но в них уже спрятана граница. Если существует «настоящий», значит, существует и «ненастоящий».

Тогда кто может оказаться ненастоящим?

Человек, который критикует войну?

Человек, который не любит правительство?

Эмигрант?

Пацифист?

Оппозиционер?

Человек другой религии?

Человек, для которого национальная идентичность вообще не имеет большого значения? В этот момент государство перестаёт просто описывать гражданина. Оно создаёт **норму гражданина**. А затем живых людей начинают сравнивать с этим идеалом.

Ты должен уважать определённые символы.

Ты должен испытывать определённые чувства.

Ты должен правильно относиться к истории.

Ты должен поддерживать определённые действия государства.

Иначе возникает подозрение:

а свой ли ты вообще?

Мне кажется, здесь находится один из самых опасных моментов национальной политики. Потому что политическое несогласие начинает превращаться в вопрос принадлежности. Человек уже не просто ошибается. Он становится «чужим».

Государству нужен не фанатик

Иногда кажется, что государству обязательно нужен фанатичный националист. Человек, который постоянно размахивает флагом и готов кричать лозунги. Но я думаю, что государству намного выгоднее другое. Человек, который вообще не задаётся вопросом, почему государство и Родина должны быть одним и тем же. Ему не нужно каждый день доказывать лояльность. Достаточно, чтобы некоторые вещи казались ему естественными.

«Конечно, государство говорит от имени страны».

«Конечно, армия всегда представляет Родину».

«Конечно, государственные интересы — это наши интересы».

«Конечно, несогласный политик выступает против страны».

Вот такой человек может вообще не считать себя националистом.

Именно поэтому механизм настолько устойчив.

Он работает не только через лозунги.

Он работает через привычку.

Когда появляется другой голос

Но возникает ещё одна проблема. Что происходит, если появляется человек или движение, которое начинает говорить обществу:

«Государство не является единственным, кто может вас представлять»?

А это уже серьёзный вызов. Любая власть хочет быть признанной законным политическим центром.

Особенно важно для неё право говорить:

«Мы представляем общество».

Но вдруг появляется другой центр: Профсоюз, революционное движение, религиозная организация, популярный писатель или публицист, оппозиционный политик, политический клуб,

независимое общественное движение. И за ним начинают идти люди.

Важно уточнить:

сам факт популярности такого движения не делает его автоматически хорошим.

История знает огромное количество массовых движений с разрушительными идеями.

Вождь может быть авторитарным.

Движение может быть жестоким.

Толпа тоже может ошибаться.

Я говорю сейчас не о моральной оценке лидера.

Меня интересует политический механизм.

Появляется **альтернативный источник лояльности**. Человек начинает ощущать себя частью общества не только через государственные институты. Он способен организоваться без разрешения власти. Именно поэтому независимые массовые движения часто становятся для государства серьёзной проблемой.

Эдуард Лимонов как пример альтернативного политического центра

В современной российской истории интересным примером для меня является Эдуард Лимонов.

Я не собираюсь здесь разбирать всю его историю, идеи и труды – книга не про это.

Мне интересен другой аспект. Лимонов был не чиновником и не представителем официальной политической системы. Но вокруг него и Национал-большевистской партии возникла собственная политическая среда, собственная символика, язык, активисты и представление о том, какой должна быть Россия.

Это был альтернативный политический центр. В 2007 году Московский городской суд признал НБП экстремистской организацией и запретил её деятельность.

Я не хочу упрощать эту историю до фразы:

«государство просто испугалось Лимонова».

Такое утверждение потребовало бы доказательств.

У государства были собственные юридические основания и обвинения в адрес организации.

Для темы моей книги интересно другое. Лимонов и подобные ему фигуры показывают, что борьба в политике идёт не только за должности. Она может идти за право определять:

что такое страна;

кто представляет народ;

каким должно быть будущее;

кому люди должны доверять.

Государство говорит:

«мы представляем общество».

А независимое движение самим фактом своего существования отвечает:

«общество способно организоваться и вокруг других идей».

Именно здесь возникает конкуренция за политическую лояльность.

Не обязательно даже захватывать государственный аппарат.

Достаточно доказать людям, что государство не является единственным возможным посредником между ними и обществом.

Почему это опасно для власти?

Потому что власть существует не только благодаря законам, полиции и учреждениям. Она существует ещё и благодаря признанию.

Большинство людей должно хотя бы в некоторой степени воспринимать существующую систему как нормальный центр принятия решений.

Но если огромное количество людей начинает больше доверять другому движению, другому лидеру или другой организации, появляется вопрос:

а кто тогда действительно представляет общество?

Это особенно опасно для власти, если альтернативное движение способно самостоятельно:

1. организовывать людей;
2. создавать собственные медиа;
3. формировать политический язык;
4. предлагать другое объяснение истории;
5. создавать собственную символику;
6. проводить массовые мероприятия;
7. выдвигать альтернативное представление о будущем.

Тогда государство сталкивается уже не просто с критиком.

Оно сталкивается с конкурентом в производстве общественной идентичности.

И именно поэтому борьба вокруг культуры, истории, символов и языка бывает не менее важной, чем борьба за парламентские места.

Кто определяет значение слов:

«народ»?

«Родина»?

«патриот»?

«предатель»?

Тот получает огромное политическое преимущество.

Государство как посредник между человеком и культурой

Здесь хочется поставить ещё один вопрос.

Почему вообще государство должно быть обязательным посредником между человеком и его культурой? Чтобы читать Пушкина, мне не нужно министерство. Чтобы говорить на русском языке, мне не нужен государственный указ. Чтобы помнить историю собственной семьи, мне не нужен чиновник. Чтобы любить музыку, архитектуру, литературу или природу, мне не требуется государственная граница. Культура способна существовать в людях. Она существует в языке. В книгах. В

музыке. В памяти. В семье. В обычаях. В дружбе. В искусстве. В интернете.

Она может пережить даже исчезновение государства.

Римская империя исчезла.

Но латинская культура не исчезла вместе с её последним чиновником.

Советский Союз распался.

Но русский язык, советская музыка, фильмы, архитектура, семейная память и огромное количество культурных явлений продолжили существовать.

Значит, культура не принадлежит государственному аппарату.

Государство может поддерживать её.

Может финансировать музеи.

Может сохранять памятники.

Может, наоборот, подавлять некоторые её формы.

Но оно не создаёт сам факт человеческой принадлежности к культуре.

«Наша истинная национальность — человечество»

Герберт Уэллс в «Очерке истории» написал:

«Наша истинная национальность — человечество».

В оригинале:

“Our true nationality is mankind.”

Данная цитата очень мне близка и интересна. Не потому, что я хочу уничтожить различия между людьми. Мне не нужен мир, в котором исчезнут языки. Не нужен мир без культур. Без местных традиций. Без исторической памяти.

Наоборот.

Различия делают человечество интересным.

Но обязательно ли эти различия должны превращаться в политические стены?

Я могу говорить по-русски.

Любить русскую литературу.

Слушать русскую музыку.

Чувствовать связь с историей России.

И при этом прежде всего видеть в другом человеке человека.

Не немца. Не украинца. Не француза. Не китайца. Не американца.

А человека.

Возможно, одна из главных ошибок национального государства заключается в попытке поставить политическую принадлежность выше общей человеческой.

Сначала:

«ты человек».

А уже после этого — всё остальное.

Государство присваивает не только территорию

Когда говорят о государстве, обычно представляют территорию.

Границы.

Армию.

Законы.

Но государство способно присваивать себе не только землю.

Оно может присваивать символы.

Историю.

Память.

Понятие Родины.

Представление о народе.

Язык национального интереса.

Даже право решать, каким должен быть «настоящий» представитель культуры.

И делает оно это не обязательно одним приказом.

Процесс происходит постепенно.

Через школу.

Документы.

Карты.

Праздники.

Гимны.

Армию.

Памятники.

Политическую речь.

Учебники.

Ритуалы.

Через тысячи мелких повторений одной мысли:

государство — это мы.

Но я снова хочу задать вопрос:

почему?

Государство может быть институтом.

Может быть способом организации общества.

Может оказывать услуги.

Может защищать территорию.

Может создавать инфраструктуру.

Но почему оно должно получать монополию на народ?

Почему оно должно получать монополию на культуру?

Почему любовь к Родине должна проходить через государственный аппарат?

Нацию необязательно захватывать силой

Мне кажется, здесь можно сформулировать главный вывод этой главы.

Государство присваивает нацию не обязательно тогда, когда заставляет человека отказаться от собственной культуры.

Иногда происходит противоположное.

Оно объявляет себя её главным защитником.

«Без нас исчезнет ваша культура».

«Без нас погибнет народ».

«Без нас не будет Родины».

И тогда государство уже не выглядит одной из возможных политических организаций.

Оно начинает выглядеть условием существования самого народа.

Вот это и есть наиболее сильная форма присвоения.

Не заставить человека забыть свою Родину.

А убедить его, что **Родина не способна существовать без государства**.

Но история показывает, что государства меняются.

Распадаются.

Объединяются.

Меняют названия.

Меняют границы.

Меняют политические системы.

А люди продолжают говорить.

Помнить.

Писать.

Любить.

Создавать семьи.

Передавать песни.

Хранить язык.

Создавать новую культуру.

Поэтому мне кажется, что формулу:

«государство — это народ»

стоит перевернуть.

Государство может существовать благодаря людям. Но народ не обязан существовать благодаря государству. **Нацию не обязательно захватывать силой. Достаточно научить общество смотреть на неё глазами государства.**

Глава 4. Когда государство становится нацией

Здесь речь идёт о последствиях слияния государства и нации: политическом долге, войне, превращении несогласного в «чужого» и попытках интернационализма вернуть в центр отдельного человека.

В предыдущих главах я пытался показать, как государство связывает себя с народом, Родиной и нацией.

Но у этого есть последствия.

Когда государство окончательно объявляет себя голосом народа, несогласие с ним перестаёт выглядеть просто как политический спор.

Оно может быть представлено как:

нелояльность;

предательство;

отказ от долга;

измена Родине;

работа против собственного народа.

Именно здесь подмена понятий начинает стоить человеку уже не только репутации.

Иногда — свободы.

Иногда — жизни.

Когда политический долг становится национальным

Государство может требовать от гражданина многое.

- Налоги.
- Военную службу.
- Подчинение законам.
- Участие в мобилизации.
- Соблюдение ограничений в период войны.

Однако само существование обязанностей ещё не доказывает, что государство действует неправильно.

Вопрос тут в другом: Как эти обязанности объясняются?

Можно сказать:

«Это требование закона».

А можно:

«Ты обязан Родине».

Во втором случае государственное требование получает уже не только юридический, но и моральный смысл.

Человек должен выполнять его не потому, что существует закон.

А потому что иначе он якобы предаёт свой народ.

И здесь появляется серьёзная проблема.

Если человек считает конкретное решение государства ошибочным, имеет ли он право отказаться?

Или государство уже заранее объявило отказ предательством?

Война

На войне эта логика становится особенно заметной.

Государство говорит:

«Страна в опасности».

После этого человеку может быть трудно отделить три разные вещи:

защиту людей;

защиту территории;

защиту конкретной политики власти.

Иногда они действительно совпадают.

Если существует прямое нападение, человек может защищать дом, семью и окружающих одновременно с государством.

Но бывают и другие ситуации.

Война может быть начата по решению правительства.

Может быть связана с территориальными претензиями.

Имперскими интересами.

Политическим престижем.

Экономическими расчётами.

И тогда фраза:

«ты обязан Родине»

может скрывать намного более сложный вопрос:

за что именно ты должен рисковать жизнью?

Несогласный как враг

Когда власть объявляет себя нацией, оппозиционер становится особенно неудобен.

Он уже не просто спорит с правительством.

Его можно представить как человека, выступающего против страны.

Это позволяет заменить политический спор моральным обвинением.

Не:

«он против решения власти».

А:

«он против нас».

Не:

«он критикует государство».

А:

«он ненавидит Родину».

В некоторых государствах и исторических периодах такое отношение сопровождалось реальными репрессиями:

- Тюрьмами.
- Запретами организаций.
- Цензурой.
- Преследованием отказчиков.
- Наказаниями за антивоенную деятельность.

Формы были разными.

Но общий механизм похож:

несогласие с властью превращается в подозрение в нелояльности народу.

Общий долг и неравная цена

И вот ещё одна проблема.

Государство любит говорить об общем национальном долге. Но цена этого долга может распределяться совершенно неравномерно.

Один человек идёт на фронт.

Другой принимает решение о войне.

Один теряет работу.

Другой получает государственный контракт.

Один живёт под обстрелами.

Другой находится далеко от зоны боевых действий.

Один не имеет возможности уехать.

Другой имеет деньги, связи и запасной паспорт.

Из этого не следует, что каждый чиновник или богатый человек избегает риска. История знает немало представителей элиты, которые сами служили, воевали и погибали.

Но сама формула:

«мы все жертвуем одинаково»

не всегда соответствует реальности.

Поэтому, когда государство говорит о всеобщем долге, стоит спросить:

а одинакова ли цена этого долга для всех?

Почему левые заговорили об интернационализме

Именно против разделения людей по государственным границам многие левые движения выдвигали идею интернационализма.

Её смысл в основном достаточно простой.

Рабочий во Франции может иметь больше общего с рабочим в Германии, чем со своим министром или крупным собственником.

Крестьянин одной страны может жить похожей жизнью с крестьянином другой.

Люди могут говорить на разных языках, но сталкиваться с одинаковыми проблемами.

1. Низкая зарплата.
2. Бедность.
3. Тяжёлый труд.
4. Политическое бесправие.
5. Война.

Поэтому появляется другая линия разделения.

Не:

русский против немца.

А:

человек рядом с человеком.

Карл Маркс и международная солидарность

В марксистской традиции эта идея получила известную формулу:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В ней уже содержится прямой отказ считать национальную границу главной политической границей.

Рабочий должен видеть в другом рабочем не иностранца, а человека со схожим положением.

Это не означало полного отказа от культуры или языка.

Речь шла о другом.

Классовая солидарность должна была быть сильнее национальной вражды.

Анархисты

Для анархистов интернационализм был ещё естественнее. Если государство само рассматривается как источник принуждения, то сложно одновременно признавать его границы священными. **Бакунин, Кропоткин и другие великие анархисты выступали за объединение людей снизу — через федерации, коммуны, рабочие союзы и добровольные объединения.**

В этой логике человек не обязан ненавидеть другого только потому, что между ними проходит государственная граница.

И государство не должно определять, кто является его естественным врагом.

Человек по другую сторону фронта

Представим двух солдат.

Они говорят на разных языках.

Но оба устали.

Оба боятся смерти.

Оба думают о семье.

Оба могут вообще не знать друг друга.

Оба могли не принимать решения о начале войны.

Но государство говорит каждому:

«тот человек — враг твоего народа».

Интернационалист отвечает:

«прежде всего это человек».

Это не отменяет реальных конфликтов.

Не делает войны невозможными.

Не означает, что нельзя защищаться от нападения.

Но меняется сама точка отсчёта.

Перед тобой сначала человек.

А уже потом гражданин другого государства.

1914 год: проверка интернационализма

Первая мировая война стала тяжёлой проверкой для левого движения.

До войны многие социалисты говорили о международной солидарности рабочих.

Но после начала войны значительная часть социалистических партий поддержала собственные правительства.

Национальная мобилизация оказалась сильнее прежних лозунгов.

Это важно.

Интернационализм не оказался автоматически сильнее государства.

Люди, которые годами говорили о братстве рабочих разных стран, тоже могли в момент кризиса выбрать собственную страну.

Но были и те, кто выступил против войны.

Социалисты-интернационалисты.

Часть анархистов.

Антивоенные движения.

Они продолжали утверждать:

обычные люди не обязаны превращаться во врагов только потому, что государства начали конфликт.

Именно поэтому 1914 год показывает не победу одной идеи над другой.

Он показывает силу национальной идентичности даже внутри движений, которые пытались её преодолеть.

Интернационализм тоже не идеален

Было бы слишком просто представить левых как людей, которые всегда выступали против войны и государственного насилия.

Это не так.

Некоторые социалисты поддерживали войны.

Некоторые революционные движения после прихода к власти сами создавали жёсткие государственные системы.

Некоторые интернационалисты оправдывали насилие ради своих политических целей.

Поэтому интернационализм сам по себе ещё не гарантирует свободы.

Но его главный вопрос остаётся важным:

почему государственная граница должна автоматически превращать людей в политических противников?

Кто действительно твой враг?

Государству удобно предложить человеку простой ответ.

Вот карта.

Вот граница.

Вот другая страна.

Вот враг.

Но жизнь редко настолько проста.

Человек по другую сторону границы может не иметь никакого отношения к решениям собственного правительства.

Он может сам ненавидеть эту власть.

Может быть против войны.

Может быть беднее тебя.

Может бояться своего государства не меньше, чем ты боишься его армии.

Национальность здесь легко заменяет личность.

«Немец».

«Русский».

«Американец».

«Украинец».

«Француз».

Одно слово — и миллионы разных людей превращаются в одну политическую массу.

Именно против этого направлена интернационалистская идея.

Не отрицать различия.

А не превращать их автоматически во вражду.

Когда государство просит умереть во имя нации

Мне кажется, здесь находится самая тяжёлая часть всей темы.

Государство способно потребовать от человека максимальную цену.

Жизнь.

И если оно делает это просто как политический аппарат, человек может спросить:

почему?

Но если государство говорит:

«это нужно Родине», —

вопрос становится намного тяжелее.

Потому что отказ уже может ощущаться как отказ от семьи, культуры, народа и места, где ты вырос.

Именно поэтому разделение понятий так важно.

Можно защищать людей.

Можно защищать дом.

Можно защищать близких.

Можно даже считать вооружённую защиту необходимой.

Но это не означает, что каждое решение государства автоматически становится священным долгом перед нацией.

Интернационалистский ответ

Интернационализм предлагает другую последовательность.

Не:

государство → нация → человек.

А:

человек → другие люди → общество.

Национальность остаётся культурной идентичностью.

Но она перестаёт быть обязательной политической границей.

Русский рабочий может видеть общего человека в немецком рабочем.

Француз — в итальянце.

Украинец — в русском.

Китаец — в американце.

Различия никуда не исчезают.

Но они перестают автоматически означать вражду.

Главный вопрос

Если государство говорит:

«умри за нацию», —

человек имеет право спросить:

кто принял это решение?

что именно я защищаю?

кого я защищаю?

кто заплатит ту же цену?

и действительно ли человек по другую сторону является моим врагом?

Мне кажется, именно с этих вопросов начинается политическая самостоятельность.

Потому что государство может объявить человека гражданином.

Может определить его юридический статус.

Может провести между ним и другим человеком границу.

Но оно не должно автоматически получать право решать, кого этот человек обязан считать своим врагом.

Государство требует от человека умереть как от представителя нации.

Интернационализм пытается напомнить ему, что по другую сторону границы стоит такой же человек.

Глава 5. А нужна ли человеку национальность вообще?

Последняя основная глава возвращается к вопросу из предисловия: нужна ли национальность как обязательная политическая категория, если язык, культура, память и самоопределение способны существовать без государственного хозяина?

В самом начале этой книги я поставил вопрос, который до сих пор намеренно оставлял без окончательного ответа:

насколько вообще человеку необходима национальность как постоянная политическая категория?

После четырёх глав я хочу вернуться к нему.

Но сначала важно уточнить, чего я не предлагаю.

Я не предлагаю уничтожать культуры.

Не предлагаю запрещать человеку считать себя русским, украинцем, немцем, татарином, французом или кем-либо ещё.

Не предлагаю забывать язык.

Не предлагаю отказываться от семейной истории.

Не предлагаю стирать различия между народами.

Наоборот.

Мне кажется странной сама идея, что освобождение человека обязательно требует сделать всех одинаковыми.

Я не предлагаю человечеству отказаться от различий.

Я предлагаю отказаться от необходимости превращать каждое различие в границу.

Национальность как описание

Если человек говорит:

«Я русский».

Что это может означать?

Он вырос в русской культуре.

Русский язык является его родным.

Ему близка русская литература.

Его семья связана с историей России.

Он просто чувствует себя русским.

Я не вижу здесь проблемы.

То же самое относится к украинцу, немцу, французу, китайцу, татарину и любому другому человеку.

Национальная принадлежность может быть способом рассказать о себе.

Проблема начинается тогда, когда описание превращается в инструкцию.

«Ты русский — значит должен думать так».

«Ты украинец — значит обязан поддерживать это».

«Ты немец — значит твои интересы находятся здесь».

В этот момент национальность перестаёт отвечать на вопрос:

кто ты?

И начинает отвечать за человека на вопрос:

что ты обязан делать?

Именно эту вторую функцию я ставлю под сомнение.

Что останется, если убрать политическую национальность?

Представим, что завтра государство перестаёт требовать от человека постоянно определять себя через национальность.

Что исчезнет?

Русский язык?

Нет.

Украинская музыка?

Нет.

Татарские традиции?

Нет.

Немецкая литература?

Нет.

Семейная память?

Нет.

История?

Тоже нет.

Исчезнет лишь обязательное предположение, будто культурное происхождение человека заранее определяет его политическое место.

Это важное различие.

Культура может существовать без политической обязанности.

Язык может существовать без государства, которое объявляет себя его владельцем.

Человек может чувствовать принадлежность к народу и не считать, что этот народ обязан иметь одну политическую волю.

А если человек вообще не хочет выбирать?

Есть ещё один вариант, о котором часто забывают.

Человек может вообще не хотеть делать национальность важной частью своей личности.

У него могут быть родители из разных культур.

Он может родиться в одной стране, вырасти в другой и жить в третьей.

Может говорить на нескольких языках.

Может одинаково любить несколько культур.

Может не чувствовать особенной связи ни с одной.

А может просто сказать:

«Я прежде всего человек».

Почему общество должно заставлять его выбирать одну коробку?

Человеческая жизнь слишком сложна для такой простой классификации.

Махно и национальный вопрос

Здесь мне особенно интересна позиция Нестора Махно.

В работе **«Несколько слов о национальном вопросе на Украине»** он рассматривал вопрос украинского самоопределения после падения Российской империи.

Махно признавал само стремление к самоопределению естественным следствием освобождения народов от царского господства. Он отдельно обращал внимание на право людей говорить на украинском языке, развивать собственную культуру, сохранять свои обычаи и самостоятельно определять формы своей общественной жизни.

Но из этого он не делал вывода, что освобождение должно завершиться созданием нового национального государства.

Напротив, он критиковал попытку государственных националистов присвоить себе естественное развитие украинской культуры и превратить его в основание для строительства новой власти над трудящимися. Для Махно проблема заключалась не только в том, что власть может быть внешней или «пришлой». Его мысль была радикальнее:

зло находится не только в чужой власти, а во власти как таковой.

Отсюда для меня следует принципиально важная мысль.

Освободить культуру от чужого государства ещё не означает передать её собственному государству.

Можно избавиться от одного аппарата и построить другой.

Можно сменить флаг.

Сменить чиновников.

Сменить официальный язык.

Но если человек по-прежнему получает над собой аппарат, который распоряжается его жизнью сверху, сама проблема господства не исчезает.

Поэтому культурное самоопределение и государственное строительство — не одно и то же.

Украинец имеет право быть украинцем не потому, что это разрешает украинское государство.

Русский имеет право быть русским не потому, что это разрешает российское.

Культура принадлежит людям раньше, чем государственным учреждениям.

Именно поэтому махновский подход к национальному вопросу для меня особенно важен: он позволяет одновременно защищать язык, культуру и самоопределение народа — и при этом не превращать их автоматически в оправдание нового государства.

Владимир Ленин: самоопределение без национального разделения рабочих

Интересно, что похожее противоречие можно увидеть и у Ленина, хотя его политические выводы сильно отличались от анархистских.

Ленин последовательно выступал за право угнетённых наций на самоопределение, включая право на отделение.

Для него свободный союз не мог называться свободным, если народ не имел возможности из него выйти.

Но одновременно Ленин выступал против разделения рабочих по национальному признаку.

В работах о национальном вопросе он противопоставлял национализму международное объединение трудящихся и настаивал на совместных организациях рабочих разных национальностей.

Получается интересное сочетание.

Народ имеет право уйти.

Но рабочие разных народов не обязаны поэтому становиться политическими противниками.

Право на самоопределение не равно требованию обязательно отделиться.

И право иметь собственную культуру не равно требованию создать вокруг неё отдельную политическую систему.

Мне кажется, это различие важно сохранить.

Свободное объединение возможно только тогда, когда существует и право не объединяться.

Но из права отделиться ещё не следует необходимость постоянно разделять людей.

Свобода отделиться и свобода остаться вместе

В этом есть кажущееся противоречие.

Если я выступаю против политического разделения людей по национальностям, зачем тогда признавать право народа на отделение?

Именно потому, что единство, которое нельзя покинуть, перестаёт быть добровольным.

Представим два народа.

Они могут жить вместе.

Торговать.

Учиться.

Создавать общие организации.

Строить инфраструктуру.

Защищаться.

Но если один из них удерживается внутри общего политического пространства силой, слово **«единство»** начинает означать подчинение.

Поэтому интернационализм не должен означать:

«вы обязаны быть вместе».

Иначе он становится зеркальным отражением национализма.

Мне ближе другая формула:

вы имеете право быть разными и право быть вместе.

Моя попытка ответа — «Манифест свободных общин»

В другой своей работе — **«Манифесте свободных общин»** — я попытался представить политическое устройство, в котором нация вообще не является основной единицей общества.

Первичной политической связью там является не национальность человека, а его участие в общине.

Человек живёт среди других людей.

Участвует в местном самоуправлении.

Общины добровольно объединяются в более крупный Союз.

При этом допускаются несколько гражданств и разные формы принадлежности, а отсутствие гражданства не лишает человека основных прав.

Это для меня принципиально.

Не:

человек → нация → государство.

А:

человек → община → добровольный Союз.

Национальность при этом никуда не исчезает.

В одной общине могут жить люди разных культур.

Они могут создавать культурные объединения.

Изучать языки.

Сохранять традиции.

Праздновать свои праздники.

И никто не обязан растворяться в общей культуре.

Но политическое право возникает не из крови и происхождения.

Оно возникает потому, что перед нами человек, который является частью общества.

В Манифесте я отдельно закрепил международную солидарность и право народов на самоопределение.

Там есть фраза, которую я считаю особенно важной:

«Революция, пришедшая на чужом танке, не является свободой».

Свободу невозможно подарить народу посредством его подчинения.

Даже если танк несёт правильный флаг.

Даже если на нём написаны правильные лозунги.

Союз Советских Социалистических Республик: попытка интернационального общества

Здесь невозможно не вспомнить Советский Союз.

СССР представлял себя не национальным государством одного народа, а союзом республик и народов.

Официальная советская идеология была интернационалистской.

В Союзе жили русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, казахи, узбеки, татары и представители множества других народов.

Официально все они должны были существовать внутри общего социалистического проекта.

В определённом смысле это был огромный исторический эксперимент.

Попытка поставить общую политическую и социальную идею выше происхождения человека.

И в этом была важная мысль.

Человек из Украины и человек из Казахстана могли рассматриваться как участники одного общества, а не как представители двух государств, неизбежно конкурирующих друг с другом.

Но именно советский опыт показывает и другую сторону.

Интернационализм, провозглашённый государством, не перестаёт быть государственной политикой.

СССР сохранял сильный центр.

Решения могли приниматься далеко от республик и местных обществ.

В истории Советского Союза были депортации народов, национальные репрессии, конфликты вокруг языка и различные периоды усиления русификации.

Поэтому нельзя просто сказать:

«СССР решил национальный вопрос».

Не решил — по крайней мере, не окончательно.

Но и сводить всю историю к одному национальному господству было бы слишком просто.

Перед нами скорее противоречие:

официальный интернационализм существовал одновременно с сильным государственным центром.

И для темы этой книги это особенно важно.

Можно бороться с национализмом и одновременно построить аппарат, который сам начинает решать, каким должен быть правильный интернационализм.

Когда интернационализм становится приказом

Это приводит к ещё одной опасности.

На протяжении всей книги я критиковал выражение:

«Национальные интересы требуют».

Но что произойдёт, если заменить его другим?

«Интересы социализма требуют».

«Интересы революции требуют».

«Интересы международного рабочего движения требуют».

Механизм может остаться тем же.

Конкретный центр принимает решение.

А затем объявляет его выражением огромной идеи.

Только раньше такой идеей была нация.

Теперь — социализм или интернационализм.

Это не делает решение автоматически правильным.

Варшавский договор и предел государственного интернационализма

После Второй мировой войны социалистические государства Восточной Европы оказались объединены в том числе через Варшавский договор.

Формально это был союз государств с общей военной и политической системой.

Он существовал в мире, разделённом на противостоящие блоки.

Но особенно важным для моей темы является 1968 год.

Реформы в Чехословакии вызвали конфликт с советским руководством, после чего войска СССР и нескольких стран Варшавского договора вошли в страну.

Позже с этим вмешательством стала связываться логика, известная как доктрина ограниченного суверенитета: судьба одного социалистического государства объявлялась делом всего социалистического сообщества.

И здесь возникает знакомый мне вопрос.

Кто решал, что именно является интересом всего социалистического сообщества?

Чехословацкий рабочий?

Советский рабочий?

Польский?

Венгерский?

Или государственные руководства?

Если государство может сказать:

«Мы вмешиваемся ради общего социализма»,

то сама идея интернационализма начинает использоваться почти так же, как раньше использовалась идея нации.

Поэтому я снова возвращаюсь к собственной формуле:

революция, пришедшая на чужом танке, не является свободой.

И я бы добавил:

интернационализм, который нельзя отвергнуть, перестаёт быть интернационализмом.

Нельзя заменить одну обязательную идентичность другой

Именно поэтому я не хочу закончить эту книгу призывом заменить национальность какой-нибудь новой обязательной идентичностью.

Было бы странно написать девяносто страниц о том, как государство навязывает человеку национальную принадлежность, а затем сказать:

«Теперь вы все обязаны считать себя интернационалистами».

Нет.

Человек имеет право считать себя русским.

Украинцем.

Татарином.

Немцем.

Европейцем.

Сибиряком.

Жителем своего города.

Анархистом.

Социалистом.

Космополитом.

Или просто человеком.

Он может сочетать несколько этих вещей.

А может отказаться почти от всех.

Именно это для меня и означает свободу идентичности.

Может ли национальность исчезнуть?

Возможно.

Но я не думаю, что её нужно специально уничтожать.

Культуры меняются сами.

Народы смешиваются.

Люди переселяются.

Появляются семьи из представителей разных культур.

Языки заимствуют слова друг у друга.

Музыка смешивается.

Интернет делает общение между людьми из разных частей планеты обычным.

Какими будут национальности через сто или пятьсот лет, я не знаю.

И не считаю, что кто-то должен заранее решить это за будущих людей.

Возможно, национальные идентичности останутся очень сильными.

Возможно, станут слабее.

Возможно, появятся совершенно новые.

Это не моя задача.

Моя задача намного проще:

не превращать современное разделение человечества в вечный закон природы.

Человек не обязан быть представителем категории

Мне кажется странным, насколько легко мы превращаем отдельного человека в представителя миллионов людей.

Русский сделал что-то плохое.

И вдруг обсуждают русских.

Американец сказал глупость.

И вдруг обсуждают американцев.

Украинец совершил преступление.

И вдруг ответственность будто распределяется на украинцев.

Один человек превращается в доказательство о целой группе.

Но национальность ничего не говорит о характере человека.

Не говорит, добрый он или злой.

Умный или глупый.

Щедрый или жадный.

Сторонник войны или противник.

Авторитарный или свободолюбивый.

Перед нами каждый раз отдельная личность.

Человек не обязан быть послом собственной национальности.

Откуда ты — не равно кому ты принадлежишь

Можно родиться на определённой территории.

Но земля не получает права собственности на человека.

Можно получить гражданство.

Но документ не получает его совесть.

Можно вырасти внутри культуры.

Но культура не становится приказом.

Можно любить Родину.

Но Родина не получает собственного государственного голоса.

Мне кажется, в итоге вся эта книга сводится именно к этому.

Происхождение человека может рассказывать часть его истории.

Но оно не должно заранее писать её продолжение.

Так нужна ли человеку национальность?

Мой ответ сейчас выглядит так:

иногда — да.

Как культура.

Как память.

Как язык.

Как ощущение принадлежности.

Как способ понять историю собственной семьи.

Как добровольная часть личности.

Но как обязательная политическая категория?

Я не вижу причины считать её необходимой.

Человек способен участвовать в обществе не потому, что принадлежит к правильной нации.

Способен заботиться о людях, с которыми живёт.

Работать.

Создавать.

Участвовать в самоуправлении.

Защищать близких.

Помогать другим.

И для всего этого ему необязательно доказывать собственную национальность.

Не мир без культур, а мир без обязательных стен

Я не мечтаю о сером человечестве, где все говорят одинаково, едят одинаковую пищу, слушают одинаковую музыку и забыли собственную историю.

Такой мир был бы беднее.

Мне намного ближе другое.

Человек приходит в гости к другому человеку.

Они говорят на разных языках.

У них разная музыка.

Разная кухня.

Разная история.

Разные семейные традиции.

Они могут спорить.

Могут вообще не понимать культуры друг друга.

Но ни один из них не обязан видеть во втором политического врага.

Различие остаётся.

Стена исчезает.

Национальность не должна становиться моей судьбой

Допустим, я могу считать себя русским. Это часть моей культуры и моего языка.

Но государство не должно получать из этого право распоряжаться моей политической волей.

Оно не должно говорить:

«Раз ты русский, значит ты наш».

Потому что слово **«русский»** и слово **«подданный»** — не синонимы.

Так же как:

«украинец» и **«сторонник украинского правительства»** — не одно и то же.

«американец» и **«сторонник политики США»** — не одно и то же.

«немец» и **«сторонник германского государства»** — не одно и то же.

Любая культура больше своего правительства.

Любой народ сложнее своего государства.

А отдельный человек сложнее любой категории, которой его пытаются описать.

Граница внутри человека

Государство способно провести границу.

Выдать паспорт.

Создать флаг.

Написать гимн.

Назвать интерес национальным.

Определить официальную историю.

Объявить войну.

Назвать другого человека иностранцем.

Но существует одна граница, которую государство не должно проводить внутри самого человека.

Оно не должно решать за него:

кого любить;

какую культуру считать своей;

какую власть поддерживать;

кого считать врагом;

и кем считать самого себя.

Национальность может быть частью личности.

Но человек не является частью национальности.

Он больше неё.

Поэтому мой вывод оказался несколько иным, чем вопрос, с которого начиналась эта книга.

Я не хочу спрашивать:

нужно ли уничтожить национальности?

Мне кажется правильнее спросить:

зачем вообще заставлять человека жить внутри одной из них?

Пусть культуры существуют.

Пусть языки существуют.

Пусть люди сохраняют память.

Пусть называют себя так, как считают правильным.

Но принадлежность должна заканчиваться там, где начинается обязанность подчиняться только из-за происхождения.

Я не предлагаю человечеству отказаться от различий.

Я предлагаю отказаться от необходимости превращать каждое различие в границу.

И если когда-нибудь слово **«нация»** перестанет отвечать человеку на вопрос, кому он обязан подчиняться, возможно, оно наконец сможет остаться тем, чем человек сам захочет его сделать.

Короткие статьи и заметки

Можно ли быть патриотом и противником государства?

Да.

Мне кажется, одна из самых распространённых ошибок — считать патриотизм политической лояльностью.

Патриотизм может означать любовь к месту, где человек вырос. К языку. К культуре. К людям. К природе. К истории семьи. К городу или деревне. К памяти.

Ничего из этого не требует обязательной поддержки конкретного режима, партии, религии или государственного курса.

Можно любить Россию и критиковать российское государство. Можно любить Украину и быть против решений украинского правительства. Можно считать Францию своей Родиной и выступать против французской власти.

Патриотизм отвечает скорее на вопрос: что мне дорого?

А политическая лояльность — на другой: какую власть я поддерживаю?

Эти вопросы могут пересекаться. Но они не обязаны иметь один ответ.

Человек может защищать свой дом и одновременно ненавидеть чиновника, который говорит от имени этого дома. Может сохранять язык и культуру без желания подчиняться государственному аппарату.

Поэтому фраза «если ты против государства, значит ты не патриот» для меня не имеет смысла.

Государство не владеет Родиной. А правительство не выдаёт человеку разрешение любить место, где он живёт.

Нужна ли графа «национальность»?

В большинстве обычных ситуаций — мне кажется, нет.

Для чего государству или организации постоянно знать, русский человек, украинец, татарин, немец или кто-либо ещё?

Если речь идёт о праве на образование, медицину, работу, жильё или участие в обществе, национальность человека обычно не должна ничего менять.

Она не определяет его характер. Не определяет способности. Не определяет политические взгляды. Не определяет ценность его жизни.

Поэтому превращать национальность в обязательную административную характеристику я не вижу необходимости.

Но полностью уничтожать возможность её фиксировать тоже было бы странно.

Есть наука. Демография. История. Исследования языков. Изучение дискриминации. Защита малых народов и исчезающих культур.

В таких случаях данные о национальной или этнической самоидентификации могут быть полезны.

Главное слово здесь: самоидентификация.

Не чиновник должен решать, кем является человек. И не документ должен навечно прикреплять его к категории.

Если такие сведения собираются, то, по возможности, добровольно, для понятной цели и без превращения их в основание для разных прав.

То есть я бы не сказал: «графу национальность нужно уничтожить везде».

Скорее: «она не должна быть обязательным политическим ярлыком человека».

Если государства исчезнут, исчезнут ли народы?

Нет.

Государство и народ вообще не одно и то же.

Если завтра исчезнет государственный аппарат, язык не исчезнет вместе с ним. Семейные традиции не исчезнут. Песни не исчезнут. Литература не исчезнет. Люди не забудут, где родились.

Не исчезнут и местные сообщества.

Люди способны создавать организации и без государства: кооперативы, общины, профсоюзы, добровольные союзы, культурные объединения, исследовательские группы и системы взаимопомощи.

Именно здесь я снова возвращаюсь к анархизму.

Анархизм не означает, что каждый человек уходит в лес и начинает жить один.

Наоборот. Большая часть анархической мысли как раз посвящена вопросу: как людям организоваться без постоянной верхушки?

Федерации. Коммуны. Советы. Рабочие объединения. Договоры между общинами. Добровольная координация.

То есть исчезновение государства не означает исчезновения общества. И тем более не означает исчезновения народов.

Возможно даже обратное: культура, перестав быть государственной обязанностью, сможет в большей степени принадлежать самим людям.

Возможно ли безвластное общество без верхушки?

Это, наверное, один из самых трудных вопросов для анархизма.

Сначала нужно понять, что означает слово «безвластное».

Если под ним понимать общество вообще без правил, организаций, координаторов, специалистов и общих решений — я считаю такое общество практически невозможным.

Людям всё равно придётся строить дороги, лечить больных, организовывать производство, решать конфликты, защищаться от насилия, управлять инфраструктурой и распределять общие ресурсы.

Кто-то будет обладать знаниями. Кто-то — авторитетом. Кто-то временно будет координировать работу других.

Но анархический вопрос заключается не в том: «можно ли уничтожить любую организацию?»

А скорее: «можно ли не позволить организации превратиться в отдельный господствующий класс?»

Мне кажется, это возможно хотя бы как направление устройства общества.

Выборные координаторы. Ограниченные полномочия. Отзыв. Ротация. Самоуправление на местном уровне. Передача наверх только тех задач, которые действительно невозможно решить снизу. Несколько независимых центров принятия решений вместо одного постоянного центра.

И главное — отсутствие людей, которые получают право управлять другими просто потому, что занимают должность.

Но такое общество не будет идеальным.

Там всё равно будут конфликты, амбициозные люди, ошибки, коррупция, попытки создать новую верхушку, национальные споры, религиозные конфликты и идеологические разногласия.

Поэтому анархическое общество не должно строиться на предположении: «все станут хорошими».

Наоборот. Оно должно исходить из того, что люди останутся людьми.

Именно поэтому власть необходимо дробить, ограничивать и постоянно возвращать обществу.

При этом человеку не обязательно иметь одну национальность, язык или идеологию.

В одной общине могут жить анархист, коммунист, либерал, верующий, атеист, русский, украинец, татарин и человек, которому вообще безразлична национальная идентичность.

Им необязательно думать одинаково.

Им достаточно признавать одно простое условие: ни один из них не получает естественного права стать хозяином остальных.

Для меня в этом и заключается наиболее реалистичная версия безвластного общества.

Не отсутствие порядка. А отсутствие постоянного хозяина.

Вопросы и ответы

После основных глав и коротких заметок я хочу отдельно ответить на несколько вопросов, которые естественно возникают из всей логики этой книги.

Если государство не равно народу, то кто тогда представляет народ?

Никто не способен полностью представить народ как единое лицо, потому что у миллионов людей нет одной воли и одного мнения.

Представители, советы, парламенты, собрания и другие органы могут получать полномочия на конкретные решения. Но это не превращает их в сам народ.

Поэтому точнее говорить не «власть выражает волю народа», а «данный орган получил полномочие принять решение по определённому вопросу». Чем конкретнее формулировка, тем меньше места остаётся для присвоения голоса миллионов людей.

Разве нации просто выдуманы?

Нет. Я не считаю нации пустой выдумкой.

Языки, культуры, историческая память, традиции и чувство принадлежности реальны. Но из реальности культурного сообщества не следует, что оно обязано иметь одну политическую волю или собственный государственный аппарат.

Нация может быть реальной частью человеческой идентичности и при этом не быть обязательной политической судьбой человека.

Если убрать национальное государство, не исчезнут ли малые культуры?

Не обязательно. Малые культуры исчезают не потому, что рядом нет государственного аппарата, а когда исчезают носители языка, передача традиций, образование, память и возможность свободно развивать культуру.

Община, культурный союз, школа, библиотека, издательство, семейная среда и добровольные организации способны сохранять язык и традиции без превращения культуры в государственную обязанность.

Более того, защита культуры не должна означать право заставлять каждого человека этой культуры жить одинаково.

Если большинство поддерживает власть, разве она не может говорить от имени народа?

Она может говорить от имени большинства, если действительно получила его поддержку по понятной процедуре.

Но большинство и народ — не одно и то же. Даже при честном голосовании остаются меньшинства, несогласные и люди, которые вообще не участвовали в решении.

Поэтому фраза «большинство поддержало это решение» точнее, чем «так решил народ». Первая описывает политический факт. Вторая превращает множество людей в одно воображаемое лицо.

Разве патриотизм не требует защищать государство?

Патриотизм может требовать от человека защищать то, что он считает Родиной: близких, дом, город, язык, культуру и людей.

Иногда защита Родины и действия государственных институтов совпадают. Например, при прямом нападении армия действительно может защищать население и территорию.

Но из этого нельзя вывести правило, что любое действие государства является защитой Родины. Патриотизм не выдаёт государственному аппарату вечную доверенность на все его решения.

Не противоречит ли право на самоопределение интернационализму?

Нет. Для меня эти идеи дополняют друг друга.

Интернационализм означает, что государственная или национальная граница не должна автоматически превращать людей во врагов. Самоопределение означает, что ни один народ или община не должны удерживаться в политическом объединении силой.

Свободное объединение имеет смысл только тогда, когда существует право выйти из него. Право быть вместе и право отделиться являются двумя сторонами добровольности.

Не станет ли анархический Союз просто новым государством под другим названием?

Станет, если общий центр получит постоянное право командовать общинами, собственный неподконтрольный аппарат принуждения и возможность расширять полномочия сверху.

Именно поэтому в «Манифесте свободных общин» я разделяю государство и общественную организацию. Общие органы нужны для задач, которые невозможно решить отдельно, но их полномочия должны быть ограничены, распределены и отзывны.

Название ничего не решает. Если Союз начнёт господствовать над людьми, он воспроизведёт государство независимо от того, какой флаг будет над его учреждениями.

Почему нельзя просто реформировать государство и оставить всё остальное?

Реформы способны уменьшать насилие, расширять права и делать жизнь людей лучше. Это важно.

Но моя критика направлена не только против плохих правителей. Она направлена против самой конструкции, в которой отдельный аппарат получает устойчивое право управлять обществом сверху и говорить от его имени.

Поэтому моей конечной целью является не более добрый государственный центр, а общество, где основные решения возвращены людям, общинам и добровольным объединениям.

Нужно ли человеку отказываться от своей национальности ради интернационализма?

Нет.

Русский не обязан переставать быть русским. Украинец — украинцем. Татарин — татарином. Человек может сохранять язык, традиции и чувство принадлежности.

Интернационализм начинается не с уничтожения различий, а с отказа превращать различия в обязательную политическую вражду.

Что в итоге важнее: нация, Родина или человек?

Для меня исходной точкой является человек.

Родина может быть ему дорога. Национальная культура может быть частью его личности. Община может связывать его с окружающими людьми.

Но ни одно из этих понятий не должно превращать человека в собственность коллектива или аппарата. Если политическая система требует пожертвовать человеком ради абстракции только потому, что он родился внутри определённой категории, приоритет уже поставлен неверно.

Личное мнение автора

После исторических примеров и политических рассуждений я хочу отделить собственную позицию от анализа и сформулировать её прямо.

Для меня нация и Родина — не одно и то же.

Нация описывает культурную, историческую или личную принадлежность человека. Родина — это место, люди, язык, память и среда, с которыми человек чувствует связь. Государство является политической организацией. Эти понятия могут пересекаться, но не обязаны совпадать.

Любовь к Родине не означает поддержку режима, правительства, партии, религии или официальной идеологии. Человек способен любить страну и её культуру, одновременно выступая против государства, существующего на этой территории.

Поэтому я не считаю отказ от национального государства отказом от Родины. Русская культура не существует потому, что существует российское государство. Украинская культура не существует благодаря украинскому государственному аппарату. Любая живая культура существует прежде всего в людях, языке, памяти, произведениях, традициях и повседневной жизни.

Моя политическая позиция состоит в том, что последовательно отделить человека, культуру и Родину от государственного господства можно через анархо-коммунизм.

Именно анархо-коммунистическое устройство позволяет заменить обязательную принадлежность к национальному государству добровольной принадлежностью к общине и союзу общин. Политическое участие в таком обществе основывается не

на происхождении, крови или национальной категории, а на равноправии людей, самоуправлении и совместной жизни.

Эту модель я подробнее представил в другой своей работе — «Манифесте свободных общин». Там основой общества является самоуправляемая община, а общины объединяются в добровольный Союз для решения общих задач. Центр не является хозяином территорий: он получает только те полномочия, которые переданы ему снизу.

Для меня это и есть практическое продолжение мысли данной книги.

Не человек существует для государства и нации. Общественные структуры существуют для людей.

Культура остаётся свободной культурой. Родина остаётся личной и общественной связью. Национальность остаётся добровольной идентичностью. А политическая организация перестаёт получать право превращать всё это в требование подчинения.

Такое общество может быть многоязычным, многокультурным и политически разнообразным. Его единство строится не на одной национальности и не на обязательной идеологии, а на равноправии, взаимопомощи и отсутствии постоянной верхушки.

Поэтому моя позиция проста: национальные различия могут сохраняться сколько угодно долго. Исчезнуть должна не культура, а право использовать происхождение человека как основание для политического господства.

Общее заключение

Эта книга началась с простого вопроса: почему государство получает право говорить от имени Родины, народа и нации?

За пять глав я попытался разделить понятия, которые в политической речи постоянно соединяются.

Нация — не государственный аппарат.

Народ — не правительство.

Родина — не администрация.

Власть — не страна.

Человек может принадлежать к культуре и не быть политически лояльным государству. Может любить Родину и критиковать её правительство. Может считать себя частью народа и не признавать за кем-либо право говорить от имени каждого его представителя.

Главная проблема возникает тогда, когда культурная принадлежность превращается в политическую обязанность. Тогда из происхождения начинают выводить долг. Из гражданства — лояльность. Из любви к Родине — поддержку решений власти. Из государственного конфликта — конфликт народов.

Поэтому я считаю необходимым вернуть национальности её добровольный характер. Пусть она остаётся языком, памятью, культурой, семейной историей и личным самоопределением. Но она не должна заранее определять политическую волю человека.

Интернационализм в таком понимании не уничтожает народы. Он отказывается считать их естественными врагами

друг друга. Самоопределение при этом остаётся необходимым: никакой народ, община или общество не должны удерживаться в объединении силой.

Но одной критики национального государства недостаточно. Если убрать старый аппарат и оставить пустоту, на его месте быстро появится новая верхушка. Поэтому вопрос о нации связан с вопросом о том, как вообще организовать общество без постоянного политического хозяина.

Мой ответ на этот вопрос изложен в «Манифесте свободных общин». Там вместо национального государства предлагается федерация самоуправляемых общин, объединённых снизу вверх. Общие органы существуют для координации, обороны, инфраструктуры, науки и других общих задач, но не получают права владеть обществом.

Именно здесь соединяются две мои работы.

«Государство и Нация» отвечает на вопрос, почему я считаю опасным политическое слияние государства, Родины и национальности.

«Манифест свободных общин» отвечает на другой вопрос: чем я предлагаю заменить государственную модель политической принадлежности.

Вместо цепочки:

человек → нация → государство → власть

я предлагаю другую:

человек → община → добровольный Союз.

При этом человек не обязан отказываться от своей культуры. Наоборот, культура освобождается от необходимости иметь государственного хозяина.

Русский язык останется русским языком. Украинская культура останется украинской культурой. Татарские традиции останутся татарскими традициями. Люди смогут сохранять старые идентичности, смешивать их, создавать новые или вообще не делать национальность важной частью своей жизни.

Главное — чтобы ни одна из этих идентичностей не давала одному человеку или аппарату права господствовать над другим.

Поэтому итог всей книги для меня можно выразить несколькими словами:

Родину можно любить без государства.

Культуру можно сохранять без политического подчинения.

Народ может существовать без единой навязанной воли.

А человек имеет право быть больше любой категории, в которую его пытаются поместить.

Я не предлагаю человечеству отказаться от различий. Я предлагаю отказаться от необходимости превращать каждое различие в границу.